

Имидж: истоки мировоззренческого опыта и научного осмысления.

И.Ф.Симонова.

Симмеркская школа. г.Санкт-Петербург, e-mail : i.f.simonova@gmail.com

Image: origins of philosophical experience and scientific understanding.

I.Simonova.

SimMerk school, str. Saint-Petersburg, e-mail : i.f.simonova@gmail.com

Имидж - это сложнейший феномен, где каждый осмысляемый уровень или аспект вмещает в себя целую сферу научного знания. Он объединяет и сочетает в себе феномены, постигаемые чувственным (нравственным, духовным) опытом и явления, процессы и практики, постигаемые разумом, которые обладают способностью совокупно отражать своеобразие объекта. Имидж объективно и субъективно остается трудноуловимым феноменом, ускользающей практикой, неустойчивой композицией, включающей в себя многочисленные и разнообразные процессы.

Многоаспектность и туманность феномена имидж определили желание обратиться к первым попыткам постижения человеком близких к имиджу, образующих его, включенных в него феноменов, практик, к истокам его научного осмысления.

Ключевые слова: *имидж, мировоззренческие истоки, первая реформа имиджа, оригинал, реальный объект, мыслимый образ, идеи превращения и трансформации.*

Image - this is a complex phenomenon, where every conceptualized aspect or level accommodates the whole sphere of scientific knowledge. It integrates and combines the phenomena comprehended by sensual (moral and spiritual) experience and events, processes and practices comprehended by mind, which have the ability to collectively reflect the uniqueness of the object. The image objectively and subjectively remains an elusive phenomenon, evasive practices, unstable composition that includes many and varied processes.

Multidimensional and nebula nature of the image as phenomenon have identified a desire to go to the first attempts of understanding by a man of closest to the image, forming it included phenomena, practices, to the origins of his scientific judgment.

Keywords: *image, the philosophical origins, the first reform of the image, the original, the real object conceivable way, the idea of transformation and transformation.*

В математике есть красивый, идеальный термин *эпитрохоида*, означающий замкнутую кривую линию, описываемую точкой, лежащей вне или внутри окружности, катящейся без скольжения по наружной стороне другой окружности. Звучит красиво и для посвященных – понятно.

Слово *имидж* не относится к подобным счастливицам, кого можно не стесняясь назвать термином.

Понятие *имидж* уже более пятидесяти лет находятся в процессе постоянного переформулирования, уточнения и дополнения. Практически все исследователи встают перед проблемой раскрытия сущности этого загадочного понятия и его определения, или перед выбором (скорее, подбором) определения из того, что уже создано. Практически всё, кто предпринимает попытку определить, что такое имидж констатируют, что это проблема не простая и не однозначная. Выбор из существующих определений так же не прост. Процесс в любом случае связан с осложнениями в виде необходимости выбора красивого, точного, четкого определения и его совмещения с задачами исследования, а также с собственными убеждениями.

Например, в философии имидж понимается, как модель, инструмент познания, как форма социального управления и как образ [1]. В лингвистике - как совокупность ярких, характерных, концентрированных знаков, символов, представлений, закрепленных в ментальной структуре сознания [2]. В рамках социально-психологического подхода, имидж определяется как специфический образ-представление, как результат восприятия, иногда, как психологический портрет, набор значений и впечатлений о человеке и даже, как стиль и форма поведения. Социологи трактуют имидж как социальный портрет, часть исполняемой социальной роли, совокупность свойств, приписываемых объекту рекламой, пропагандой с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему и т.д. Понятие имидж также отождествляется с так называемыми «близкими понятиями» - репутация, мнение, стереотип, авторитет.

К этому разнообразию, не предвещающему ничего хорошего, возникает недоверие и столь же неоднозначное отношение.

В научном сообществе людей далеких от проблематики имиджа, он часто воспринимается с нескрываемым раздражением, как некий, бесконечно далекий от реальности, утративший все связи с нею образ, создаваемый из фальсифицированных копий реального объекта (симулякров). Иногда звучат

обнадеживающие рекомендации принять имидж, как «неизбежную, быть может, временную, данность» (А.В.Моторин) [3].

Вероятность такого развития событий, на наш взгляд, не велика. То, что сегодня называют имиджем, по сути, является одной из самых ранних и универсальных социальных практик, древнейшей адаптивной традицией, которая в ходе истории закрепились, как весьма выгодная и полезная.

Истоки этой практики можно обнаружить еще в первобытную эпоху цивилизации. Примерно 70 - 50 тысяч лет назад человек неандертальский совершил исторический шаг к победе культуры над естественностью. Среди прочего, он предпринял первые бессознательные попытки создания некоего особого, не общего, для чего-то определенного предназначенного (т.е. специального) образа. Это был адаптивный ответ архаичного человека на неблагоприятные внешние условия, преимущественно – угрозы.

С течением времени подобная практика приобретала всё более закономерный, не случайный характер, становилась одним из универсальных условий достижения успеха в любой сфере деятельности, начиная от простого, физического выживания первобытного человека и заканчивая сложными сферами межличностного взаимодействия человека современного. На протяжении истории человеческого общества имидж играл важную, всё более возрастающую роль как по способу и силе воздействия, так и по объему сфер его применения.

Имидж - это самый сложный и очень интересный феномен, где каждый осмысляемый уровень или аспект вмещает в себя целую сферу научного знания. Философия, эстетика, этика, психология, социология, физиология и другие науки в процессе своего развития, решая собственные задачи, описывали отдельные аспекты этого феномена (до XX века, не ставя это своей целью, не именуя его), наполняя объем его понимания. Вполне правомерно сказать, что имидж способен объединять и сочетать в себе феномены, постигаемые чувственным (нравственным, духовным) опытом, а также явления, процессы и практики, постигаемые разумом. Они обладают

способностью совокупно отражать своеобразие объекта, и если говорить о персоне, то выражать внутренние интенции, цели и тончайшие нюансы его внутреннего мира, качеств и свойств.

Имидж объективно и субъективно остается трудноуловимым феноменом, ускользающей практикой, неустойчивой композицией, многочисленными и разнообразными процессами: целенаправленными, управляемыми, взаимосвязанными, спонтанными, организуемыми и самоорганизуемыми.

Многоаспектность и некая таинственность его определили желание обратиться к истокам его научного осмысления. В этом случае речь не идет о феномене имиджа в современном понимании. Это попытка реконструкции мировоззренческого, научного осмысления близких к имиджу, образующих его, включенных в него феноменов и практик.

На этом пути невозможно отказаться от упоминания о Древнем Востоке. С ним связано зарождение первых цивилизаций, культуры, мифологии и религии, которые развиваясь, переплетаясь, обогащая друг друга, оказали специфическое и значительное влияние на всю последующую историю человечества, развитие культуры и научной мысли.

Сохранившиеся письменные памятники Древнего Востока содержат первые упоминания слова «человек» и первые попытки рассуждений об общечеловеческих проблемах, ставших впоследствии философскими, не утрачивающими своей актуальности, в том числе о происхождении вселенной и человека, о его судьбе, деяниях, о красоте и пользе. Культура, система знаний и представлений людей, населявших Месопотамию и Египет, в непосредственной или опосредованной форме дошли до тех, кто уже был близок к началам науки. Именно это обстоятельство оказалось решающим аргументом для того, чтобы обратиться к донаучному периоду истории.

Одним из древнейших письменных свидетельств этому стали сохранившиеся памятники существовавшей на юго-востоке Междуречья примерно 4 000 - 3 000 лет до н. э. шумерской цивилизации.

Шумерский период за 1200 лет своего существования дал человечеству не только колесо, гончарный круг, письменность (около миллиона глиняных табличек) и много других открытий, в том числе, первый опыт донаучных рассуждений о красоте, внешней привлекательности, гармонии и создании специального образа.

Памятники, относящиеся к периоду XXVIII-XX век до н.э. позволяют говорить о том, что впервые в истории человеческой мысли, ставится проблема взаимоотношения прекрасного и полезного, прямо высказываются идеи совпадения красоты и пользы, стремления к гармонии («Миф об Энлиле и Нинлиль»), которые впоследствии станут ведущими в античной философии.

В собрании шумерских легенд («Эпос о Гильгамеше»), богатырь Энкиду, внешне более похожий на зверя, для того чтобы стать человеком, спутником и другом Гильгамеша, должен был принять определенные условия («помазать свое тело» и «одеться, как человек» и т.д.). [4,340]

В шумерских мифах можно отметить и еще одну важную особенность: функциональной специфике образа, как правило, соответствует внешняя характеристика персонажей. В портретах всемогущих жестоких и грубых богов акцентируются непривлекательные черты (грязь под ногтями, выкрашенными в красный цвет, растрепанные волосы и т.д.). В то время, как герои (обожествленные цари), сражающиеся с чудовищами, наделяются всеми возможными, в том числе, внешними достоинствами.

Не ставя целью поиски предпосылок философского мышления в древних мифах, можно говорить о том, что в них отражались попытки осмысления, преодоления возникающих противоречий и достижения устойчивой картины мира посредством идеологически оправданных, не случайно создаваемых образов.

К периоду шумерского царства относятся также первый, зафиксированный письменно случай описания специально создаваемого, убедительного образа правителя. Более того, именно в шумерских царских гимнах встречаются первые упоминания о том, что доктор исторических наук В.В.Емельянов

назвал «первой реформой имиджа». И это вовсе не тот случай, когда в труднопонимаемых и туманных древних текстах, при желании, можно найти всё что угодно. Речь идет о том, что образ шумерского царя III династии Ура - Шульги (2094 - 2046 до н.э.) создавался целенаправленно, с четкой ориентацией на формирование мнения, на влияние, управление, подчинение и т.п. [5]

Создаваемые образы правителей находились в зависимости от господствующей идеологии и доминирующих ценностей. В период классического шумерского общества, когда ведущими были земледельческие и ремесленные ценности (мировой порядок, вечное возвращение, красота) идеальным был образ царя, отражающий его красоту и совершенство. Смена идеологии, связанная с переходом к воинским ценностям (подвиги, героизм), требовали акцентирования «силового компонента» - мужественности, подчеркнутого бесстрашия. Торгово-ростовщическая идеология (свободная инициатива, договор, отношения купли-продажи) предполагала усиление таких качеств, как ответственность за нарушение обязательств, грамотность и т.п.

Образ царя, как некий общественный идеал изменялся в разные периоды более или менее значительно, отражая набор качеств и характеристик, восхваляющих его, как правителя (избранность на царство), хозяина (владение имуществом) и воина (стойкость в бою). В ряде случаев образ достраивается за счет новых ярких востребованных характеристик, которые совсем незначительно, но всё-таки «индивидуализировали» портрет правителя. Среди таких качеств могут быть искусенность в науках (разум, хорошая память, внимание, умение чисто писать, быстро считать, а также знание нескольких иностранных языков), опытность в искусствах (умение танцевать, играть на музыкальных инструментах), веселый нрав, доброе сердце, желание пышности и блеска жизни. Несмотря на то, что, как правило, в образе правителя ведущими оставались качества воина и пастыря, дополнительные значения, в той или иной степени выражали его индивидуальность.

Еще одним ярчайшим источником, питающим будущую науку, стала культура Древнего Египта, который, как государство существовал около 3 100 лет. В письменных памятниках, древнейшие из которых относятся ко времени правления I династии (примерно 3000 лет до н.э.) среди заклинаний, наставлений и восхвалений, есть примеры рассуждений о происхождении вселенной, человека, его судьбы, бытия, смерти, а также о красоте, соблюдении правил поведения, значении определенных качеств человека и т.д. Древние египтяне не были столь одержимы идеей письменности, как жители Шумер, но сохранившиеся надписи свидетельствуют о том, что представления о человеке занимали одно из центральных мест в мировоззрении древних египтян.

Нужно вспомнить о том, что древние египтяне – это были те люди, которые жили для того, чтобы умереть и умирали для того чтобы жить и уже потому они близко подошли к рассуждениям о том, что, на наш взгляд, имеет отношение к идее имиджа. Египтяне различали душу - личность, душу - «двойника», (копию) и витальную силу, [6] для каждой из которых имелось собственное обозначение. Важнейшей категорией, характеризующей человека было понятие Ка, или «душа-двойник», т.е. копия. Здесь необходимо обратить внимание на три аспекта, которые не оспариваются учеными. Во-первых, египтяне создавали изображение-копию, как часть погребального ритуала, веря в то, что нет наказания страшнее, чем забвение. Во-вторых, в конце Древнего царства у египтян складывается представление о Ка, как о некоем двойнике каждого человека, а не только царя. И, наконец, Ка изображалось в виде человека, на голове которого находятся поднятые согнутые в локтях две руки, похожие, как копии друг на друга. О том, что понимали под Ка древние египтяне исследователи спорят более 150 лет, но смысл этого понятия во многом остается неопределенным. Два мнения представляются интересными в контексте поиска мировоззренческих истоков имиджа. Одно из них высказал в конце XIX века немецкий египтолог, профессор А.Видеман. Его идея заключается в том, что Ка представляет собой часть человека, находящуюся

по отношению к нему примерно в таком же положении, как слово к обозначаемому объекту, или статуя к изображенному индивиду.[7,14] Этот образ, по мнению профессора А.Видемана, египтянин «наделял материальной формой, полностью соответствующей форме человека», превращая его «во второе «я», в двойника», заключающего в себе его «индивидуальность» [там же]. Это индивидуальность в том виде, как она воплощается в имени человека, образ его, который возникал, или мог возникать в сознании тех, кто этого человека знал, при упоминании его имени» [там же]. По-своему, но очень похожим образом, эта история будет повторена в Древнем Риме, когда *imago* (маска) станет «частью идентичности», [8.29] атрибутом личности римлянина, имеющего аристократическое происхождение или достигшего соответствующего положения.

Другая концепция Ка предложена доктором исторических наук А.О.Большаковым в монографии «Человек и его Двойник», который опираясь на то, что Ка тесно связано в древнеегипетской традиции с изображением, предположил, что Ка – это Двойник, изображение, являющееся точной копией объекта, подобием своего прообраза, который порождается человеческой памятью. По мнению А.О.Большакова, Ка - это не просто зрительный образ (изображение), так как в процессе воспоминания, за счет ассоциаций он включает в себя и иную, не зрительную информацию, становится комплексной, абсолютной копией человека, всей его индивидуальности, внешности и внутренних качеств [7,14].

Эта концепция поддерживается, в том числе и тем, что относительно условные портреты периода Древнего царства, сменяются со временем всё более реалистичными (период Среднего царства). Это искусство достигает наивысшего уровня в эпоху Нового царства, когда портретное изображение становится все более близким к оригиналу. Индивидуальные черты внешности на этих портретах, по мнению А.В.Зайцевой, проявляются в той же степени, что и характерные детали облика, присущие изображаемому, например, по роду деятельности. [9, 567]

Так современные концепции Ка получают интересную и несколько неожиданную интерпретацию, отсылая к понятиям оригинала, реального объекта и его мыслимого образа, к древнейшим смыслам *imago* и тому феномену, что мы называем *имидж*.

Принимая во внимание то, что символизм был одним из наиболее важных элементов изображений древних египтян, что символическими были основные изобразительные элементы и симметрия в изображениях, передающая идею гармонии, неудивительно, что две поднятых параллельно руки (иероглиф и символ Ка), становятся символом гармонии, взаимодействия противоположностей: оригинала и его образа.

Понятно, что древние египтяне не были в состоянии осмыслить, то, что мы описываем и сформулировать связанные с этим опытом проблемы. Люди того времени обладали мышлением, которое позволяло воспринимать Двойника, как один из аспектов реальности, часть окружающего мира (в отличие от современного человека, который понимает «двойника», т.е. мыслимый образ, как порождение сознания). Вместе с тем, люди бронзового века обладали вполне сопоставимыми с современным человеком восприятием и памятью, инициирующими возникновение мыслимых образов. И в силу того, что образы воспринимались как копии, как двойники, как непосредственное видение объекта, человек размышлял и заботился о них, по крайней мере, в неосознаваемом стремлении к равновесию внутри себя.

Письменные источники Древнего Египта показывают, что практика создания определенного образа царя или вельможи существовала и была вполне себе заурядным явлением. Эти образы успешно создавались как в личных (о чем свидетельствует, например, «любовная поэзия», относящаяся к периоду правления XIX-XX династий), так и в политических целях, что также не только осмысливалось, но и было изложено в письменном виде. Развитие государства, политики и искусства ведения войны активно способствовали поискам возможностей эффективно воздействовать на других людей, привлекать внимание, управлять мнением, в том числе, больших сообществ.

Египтяне были одними из первых, кто начал создавать не просто особый образ правителя, а специальный божественный, величественный и неоспариваемый образ, который оказывал сильнейшее воздействие на людей того времени, заставляя их повиноваться и трепетать. От создаваемого образа (здорового, сильного, мудрого и т.д.) во многом зависело нормальное функционирование и состояние государства. Доктор исторических наук, египтолог О.Д.Берлев в своих исследованиях («Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства») открывает для читателя древнейшие письменные свидетельства создания благоприятного образа правителя и вельмож за счет выделения определенных качеств, способных произвести должный эффект. В частности, в надписях, относящихся к периоду Среднего царства, впервые «способность молчать» рассматривается, как характеристика, влияющая на создание нужного образа. В этом же тексте молчание описывается, как одно из важнейших качеств, позволяющее «изучающему» познать человека [10]. Древние египетские, а позже и пифогарийские школы обучали техникам молчания и его использованию в том числе, с целью создания определенного образа. В более поздние периоды, различные представления и взгляды на проблему молчания получают научное развитие и займут одно из заметных мест в современных теориях коммуникации, теориях дефицита информации и психологических концепциях имиджа.

В письменных источниках Древнего Египта (гимны богам, жизнеописания фараонов) обнаруживаются также рассуждения и о природе искусства, эстетических свойствах окружающего мира. Красота в понимании людей того времени отождествлялась с практической жизнью и рассматривалась как источник её продолжения, создания благ, среди которых были элементарно первостепенно значимые продукты, вещи, прочие возможности утилитарного свойства, не представляя ещё самостоятельной сферы рассуждения.

Среди замечательных и бессмертных идей, рожденных в Древнем Египте, можно выделить еще пока очень незрелые, часто существующие в

скрытой форме рассуждения о смысле жизни человека, его предназначении, о сравнении ценности духовного и материального, о создании образа не случайного, особенного, влиятельного.

Древние шумерская и египетская цивилизации дали человечеству много простых, но бессмертных идей данных людям из ощущений. Они были бесценными, почти случайными находками, многие из которых, тем не менее, переходя их поколение в поколение, сохраняют свою актуальность и имеют определенное отношение к современным проблемам имиджа. Несмотря на свидетельства того, что осмысление феноменов близких к тому, что сегодня можно понимать под имиджем (образ-представление, совокупность характеристик и качеств, выделяемых с целью оказать влияние, произвести впечатление и т.д.) было частью мировоззрения людей того времени, в письменных памятниках нет философских рассуждений о создании «публичного» образа. Эта проблема, как и многие другие (о бытии природы и человека, его возможностях и т.д.) не осмыслялась, как самостоятельная. Вместе с тем, именно в это время человек начал совершать самые первые шаги к тому, чтобы обрести способность «отмечания разницы» и проведения различий между «вещью» как таковой и ее образами, оригиналом и копией, моделью и симулякром [11]. Способность, которая в XX веке будет иметь непосредственное отношение к размышлениям и дискуссиям об имидже.

Прежде всего, речь идет о древних греках, которые в самые ранние периоды своей истории испытывали заметное непосредственное влияние восточной культуры и особенно древних египтян.

Античная наука, оригинальная и относительно независимая, активно перерабатывала древнеегипетское наследие, сообщая многим явлениям новое, научное толкование. Несмотря на разницу исторических эпох, культур, духовного уклада и значительную эволюцию мировоззрения, в научной мысли более поздних периодов можно найти аналогии с некоторыми компонентами представлений людей Древнего Востока и обнаружить их заметное влияние на формирование и развитие античной научной мысли.

Первые теоретические и мировоззренческие подходы к рассмотрению многочисленных феноменов, связанных с имиджем, осуществлялись в рамках античной философии мысли и были связаны с попытками научного познания человека в самом широком смысле.

Среди важнейших вопросов, которые занимали античных мыслителей, можно назвать постановку и осмысление проблем первоначала и превращения, природы человека, соотношения природного и социального в человеке, формирования, воспитания определенных качеств, индивидуального развития и саморазвития, взаимосвязи души и тела, красоты и гармонии. Особое место занимали проблемы чувственного познания, восприятия и природы образа. Рождение философии и теоретической науки принято связывать с именем основателя Милетской школы, древнегреческого философа Фалеса. С его именем традиционно связывается начало выхода человека за рамки мифологического, примитивного суждения в поисках ответов на вопрос о происхождении мира, о природе человека и самого широкого круга проблем с ним связанных, которые впредь находили разрешение в ходе критической дискуссии, где требовалось ответственное, обоснованное, доказуемое суждение [12, 34].

Истоки подходов к проблемам имидж обнаруживаются еще на стыке мифологии и науки и, как в начале VI века до н.э., так и в более поздние периоды, приоткрываются неохотно среди других, часто великих и/или случайных идей. Античная наука, будучи тесно связанной с мифологией, находила в ней интуитивную основу [13, 588] для решения собственных важнейших проблем: первоначала, возникновения, становления реальности и т.д.

В процессе решения проблемы первоначала интуитивно находится идея превращения, которая возможно и есть первый и, безусловно, случайный подход к проблемам имиджа. Идеи превращения и трансформации, как и многие другие, имеют вполне отчетливо прослеживаемую мифологическую основу. Мотивы изменения посредством превращений присутствуют в мифах

всех народов. В мифах ацтеков боги Кецалькоатль и Тескатлипока разрывают на части богиню Тлатекутли, «Владыку земли», чудовище, имевшее облик жабы-аллигатора и превращают её волосы в деревья, цветы и травы, глаза - в источники, рот - в потоки, плечи - в горы. В мифах Древней Греции боги, богини и другие персонажи превращаются в предметы неодушевлённого мира (созвездия Андромеда, Кассиопея, Цефей и др.), в растения (Нарцисс, Гиацинт, Кипарис и др.), в животных или птиц (превращение Зевса в быка, муравья, орла, лебедя и т.д.). В скандинавских мифах Слезы Фрейи, превращаются в золото, а попадая в море - в янтарь. Природные духи скандинавской мифологии Цверги, на солнечном свете, превращаются в камни. Согласно англо-саксонским мифам, дочери знатных князей превращались в эльфов, а затем в валькирий, которые могли, в свою очередь, превращаться в лебедей.

Видимая сегодня граница между мифом и наукой устанавливалась не вдруг, но, что более важно - сам интересующий нас феномен, сегодня создается и существует в пространстве пересечения мифа, искусства и науки. Приходится согласиться с тем, что возможности мифов по отношению к тому, что сегодня понимается под имиджем, более значительны, чем научные, на том основании, что мифы не разрушаются под натиском рационализма и строго научных гипотез. Более того, научные гипотезы, как прежде, рождаются из мифов, либо основываются на мифах, или используют мифы для иллюстрации, или для продвижения (особенно, это касается точных наук, а именно научных технических достижений).

В VII веке до н.э. греческий поэт и мыслитель Гесиод предпринимает одну из первых, еще очень наивных попыток разобраться в явлениях окружающего мира. В поисках первоначала поэт активно упражняется в искусстве метаморфозы (поэмы «Теогония», «Труды и дни»), превращая всё во всё: богов-прародителей в космические силы (стихии), верховного Олимпийца в стража общественной морали, абстрактную правду в Справедливость, восседающую на троне рядом с Зевсом и т.д.[14]

Размышления Гесиода свидетельствуют о том, что на самых ранних этапах развития философской мысли понимание превращения носило чрезвычайно широкий характер от изменения, превращения (трансформации) одной вещи в другую до превращения Божества во все, что угодно (ему, Божеству), или человека (по воле Божества, или иной внешней силы). При этом, в большинстве случаев, понятие превращение употреблялось в специфическом значении однократного чудесного, мистического превращения одного явления в другое.

С развитием древнегреческой науки, в VII и VI веках до н.э. идея превращения видоизменялась, уточнялась и конкретизировалась и спустя многие века нашла собственное место в знании об имидже. По крайней мере приходится согласиться с тем, что создание имиджа, как правило, связано с превращением потенциального в актуальное.

Ученик Фалеса древнегреческий философ Анаксимандр сформулировал общий закон превращения первичной материи и описал, в каком порядке превращения происходят, почему материя / природа имеет тот или иной вид.

Спустя некоторое время, на рубеже VI-V веков до н.э., древнегреческий мыслитель, аристократ и поэт Гераклит Эфесский, решая проблему первоначала, выдвинул перспективную идею о том, что началом всего является огонь, который возникает под действием управляющего всем логоса и превращается через воздух в жидкость и т.д. Гераклит («О природе», или по А.Ф.Лосеву - «О существующем») вводит в оборот понятие логос, которое «...в одинаковой степени есть и божественное существо, и мировое целое; идеальная форма и физическая стихия» [15, 394]. Логос – это ум, и мера, и порядок, и закон, и гармония, и единое. Логос – это общий закон, правящий миром и имеющий необходимость, и неотвратимость судьбы. Так, осмысление проблемы первоначала выводит мыслителя на догадку о всеобщем законе, управляющим всем сущим и обращает его внимание на то, что нет ничего постоянного, что мир извечно изменяется, как и образы изменяющейся действительности. Гераклит заметил, что вечное движение первоначальной материи и ее

различные превращения в многообразии вещей осуществляются через закономерную борьбу противоположностей, которые происходят внутри материи. Философ, как и все его предшественники, приписывал материи (природе) способность к самостоятельному превращению, не отделяя силы от материи, представляя изменение, как внутреннюю трансформацию, как внутренний динамический процесс.

Древнегреческий философ, врач и политический деятель Эмпидокл, разделив материю и силу, которая способна её изменить, определил, что превращения связаны с внешней силой, более того, с тем, какая качественно сила преобладает в данный момент.

Немногим позже, Демокрит, исследуя природу, мораль и эстетику, вышел далеко за пределы предшествующих представлений о превращении, определив способность действия превращать вещи в свою противоположность в зависимости от моральных принципов, на которых действие основано, внешних и внутренних стимулов. Демокрит указал на значение меры, которая не позволяет одно (роскошь, добро, приятные вещи) превратить в другое.

Проблемы превращений не остались без внимания и великого Аристотеля, который размышляя о единстве формы и материи, указал на вечное движение, как закон превращения, в том числе, на превращение возможности в действительность и т.д.

Рассуждая о постоянстве и превращении, древнегреческий философ-стоик Посидоний высказал мысль о том, что телесная оболочка человека может видоизменяться, в то время как характер его остается одним и тем же.

Идеи превращения, в том числе, человеческого превращения, долго оставались важнейшими в античной философии, оказывая влияние на античную литературу. В ней, также, как в философии, превращение, по сути, становится формой осмысления судьбы и жизни человека, причем в ее переломных, кризисных, постстрессовых ситуациях. В этом смысле более показательным примером являются любимые многими «Метаморфозы» Л.Апулея. Здесь читатель видит три образа одного человека: образ молодого

человека до превращения в осла, образ осла и, наконец, магически преображенный «очищенный и обновленный» образ человека (М.М.Бахтин). Такое понимание отчасти определяет значение идеи метаморфозы (как изменения внешней и/или внутренне формы), для разработки современных психологических и педагогических концепций и технологий имиджа. Идея превращения оказывается востребованной при постановке прагматических целей, при необходимости кардинально изменить образ жизни, общественное положение (выход в другую, более высокого порядка страту), а также при необходимости резкого выхода из застойных, кризисных, постстрессовых, дезадапционных ситуаций и т.д. Описанные ситуации допускают выбор имиджа, который не является органичным, но необходимым промежуточным этапом на пути к достижению прагматичной цели. Весьма распространенным является и другой вариант, когда создание имиджа нацелено на повышение самооценки, актуализацию интересов, потребностей, обогащение личного опыта и является, по существу, попыткой форсированного приближения к своему идеальному Я. Осмысление проблемы превращения в рамках современных концепций имиджа, становится ответом на вопрос «когда, для чего и как человек и/или его образ становится другим».

Идея превращения, метаморфозы в силу богатства содержания и энергетической емкости, уже в античный период была способна генерировать другие идеи, в том числе, мотива изменения, меры, развития, относительности, силы воздействия/влияния, и многие другие, имеющие выходы на современные проблемы имиджа. Спустя века, соединенные вместе, они станут одной идеей, целым, которое можно обозначать именем – имидж. И нет в нем ничего провокационного, опасного. И уже даже модного ничего нет.

Литература.

1. Белобрагин В.В., Белобрагин В.Я. Некоторые вопросы формирования имиджологии как науки // PR в образовании - 2004. - № 2.
2. Кубрякова Е. С. К определению понятия имиджа / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 5–11.

3. Моторин А.В. Русский «образ», греческая «икона» и западный «имидж» // Журнал «Золотой Лев» № 235-236 - издание русской консервативной мысли Электронный ресурс. Режим доступа [www.zlev.ru]. Дата обращения.01.09.2011
4. Тураев Б.А. 'История древнего востока. В 2 томах. Том 1' \под редакцией Струве В.В. и Снегирева И.Л. - Ленинград: Социально-экономическое, 1935 – 575 с.
5. Емельянов В.В. Культура и культурность в шумерском царском гимне Shulgi. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. Серия «Мыслители», выпуск 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.57-63.
6. Воробьёв А.В. Символика вертикальной структуры мира в древнеегипетской и раннехристианской культурах // Вестник Тверского государственного университета. № 31. 2010. Серия «Филология» (Лингвистика и межкультурная коммуникация). Выпуск 6. 2010. С.32-39.
7. Большаков А.О. Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб. Алетейя. 2001. -288 с. С.14.
8. Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь / Пер. с итал. Живов В. Об исторической науке у Карло Гинзбурга // НЛО. 2004. № 65 С.29.
9. Зайцев А. В. Мировая культура. Шумерское царство. Вавилон и Ассирия. Древний Египет / А. В. Зайцев. В.Я. Лаптева., А.В. Порьяз. М. : Олма-Пресс, 2000. - 611 с. С.567
10. Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М.; 1978. - 364.С. 98-100
11. Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск. Водолей. 1998. С. 225-240.

12. Панченко Д. В. Фалес: рождение философии и науки / Отв. ред. А. И. Зайцев, Б. И. Козлов // Некоторые проблемы истории античной науки : Сборник научных трудов. — Л.: 1989. — С. 16—36.
13. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. — 623 с. С.29.
Лосев А.Ф. Диалектика мифа: Мысль; Москва; 2001 с.588
14. Гесиод. Полное собрание текстов. / Пер. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко. Вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. Лабиринт, 2001. — 256 с
15. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. /А.Ф.Лосев - М.:АСТ, 2000. -960 с. С.394.